

ГЛАВА I
ГОСПОДСТВО СОБОРНОГО ИДЕАЛА
(«Триумфальное шествие
Советской власти»)

ТОРЖЕСТВО ЛОКАЛИЗМА

Итак, гигантский маховик первого глобального периода завершил полный цикл и достиг своей крайней точки, логически совпавшей со своим началом. Страна представляла собой жалкое зрелище. Распалась не только империя, но и собственно Россия. Р. Пайпс пишет: «За несколько месяцев Россия вернулась к средневековью до-московского периода, когда она представляла собой скопление удельных княжеств. Буквально за ночь рухнули столетние усилия, затраченные на строительство государства... Официальный лозунг „Вся власть Советам“ облегчал этот процесс, позволяя региональным советам различных уровней — краевым, губернским, уездным и даже волостным и сельским — требовать независимой власти над подчиненными им территориями. Результатом стал полный хаос... Существовало летом 1918 года по крайней мере 30 „правительств“... Края и губернии, в свою очередь, распались на более мелкие административные единицы, самой важной из которых была волость... Крестьяне одной волости, как правило, отказывались делить награбленную собственность с крестьянами соседней»¹.

Права народов на областную (национально-территориальную) автономию получили признание еще до захвата большевиками власти. В стране возникали самостоятельные республики: Курская, Казанская, Тверская и т. д. Свои правительства (совнаркомы) создавались на уровне губерний, уездов и даже волостей. Совнарком существовал, например, в Москве. Мест-

---

¹ Пайпс Р. Создание однопартийного государства в советской России (1917-1918)// Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. С. 93—95.

ные органы, имея смутное представление о своих полномочиях, вторгались в сферу общегосударственной политики. Создавались объединения областных советов, противостоящие центральной власти. Использовался даже специальный термин — областничество как тенденция к превращению области в фактически самостоятельное государство². Опасности распада страны, вероятно, Ленин не предвидел, веря, что народная мудрость этого не допустит. В декабре 1917 года он заявлял: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»³. Общество, лишенное достаточно сильных культурных интеграторов и рыночных связей, атомизировалось. «Господствовал лозунг: „Урал — уральцам“, „Волга — волгарям“ и т. д.». Налицо было противостояние «каждой фабрики и отрасли остальному пролетариату и населению. В этом смысле утверждено было Шляпниковым „Положение об управлении Уралом“, совнаркомом о Волге и т. д.»⁴.

Над возникающими республиками — Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Армянской, Грузинской — правительство в Москве не имело власти. Существовала лишь общая идеологическая основа, если правительство республики было большевистским. Местные республики и советы не подчинялись вышестоящим советам, не исполняли правительственных декретов, принимали решения, им противоречащие, например: «Никакие органы местного Совета не могут получать предписания от кого бы то ни было». В центр приходили такие бумаги: «Казанская губерния объявлена самостоятельной республикой, и надо считаться с этим фактом. Полагаю неизбежным руководствоваться законом суверенного государства, в котором живу, а не великороссийским». Для народа революция означала появление возможности решения своих местных дел по собственному усмотрению, без вмешательства начальства. Наступил момент, когда стало можно жить сообразно требованиям своей группы, деревни, рабочего коллектива, возводя свои частные требования в ранг всеобщих.

Эта ситуация была не следствием паралича центральной власти, но отставанием достаточно сильных культурных интеграторов. Низкая оценка торговли в шкале нравственных цен-

² Морозов Б. М. Советы и образование СССР. М., 1974. С. 69-73.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 115.

⁴ Ларин Ю. У колыбели// Народное хозяйство. 1918. № II. С. 22.

ностей помогает понять механизм распада в результате краха административных интеграторов. В этой ситуации люди не нужны друг другу за рамками эмоционально интегрированного локального мира и представляют собой не столько потенциал для сотрудничества, сколько потенциальную опасность. В такой социальной субстанции силы распада могут оказаться сильнее, чем силы интеграции.

Локализм пронизывал все общество. Он шел снизу. «Русский народ распался, расплылся на зернышки деревенских миров»⁵. К весне 1918 года помещичье землевладение было в основном ликвидировано. Крестьянство получило 90% всех конфискованных земель. В 1919 году в 32 губерниях крестьяне владели 96,8% земель. Тем не менее увеличение площади на едока выразилось «в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу. В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полудесятины; лишь в немногих оно достигает одной десятины»⁶.

Из вышесказанного очевидно не только то, что движущей силой новой государственности был вечевой идеал с его ориентацией на локальные ценности, но очевиден и утопизм этих ценностей как средства разрешения проблем большого общества. Активизация вечевого идеала наносила удар по государственному аппарату, возникала власть, основанная на народной самодеятельности, торжествовал соборный принцип. Он воплощался не только в сельском мире, но хлынул и в города. *Соборность приобрела форму советов*. Они появились в 1905 году и были реализацией потребности рабочих в организации для борьбы за удовлетворение локальных утилитарных требований. Они возникли как стачечные комитеты, как органы местного характера, как попытка воссоздания некоего подобия крестьянского мира, общинного схода, веча в условиях города и промышленного предприятия, военной части и т. д. *Совет возник как орган, основанный на внутренней эмоциональной связи членов некоторой локальной группы для выражения и защиты ее особых интересов, как орган исторически сложившегося «Мы»*.

Сбывалась вековая мечта крестьянства и значительной части его идеологов. Складывалась *жизнь без начальства, без власти вообще или по крайней мере с крайне слабой властью*. Новая власть поддерживала всеобщий раздел земли, отмену на нее частной собственности, не препятствовала самим

⁵ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия?// Континент Россия. М., 1990. С. 28.

⁶ Книпович Б. Н. Очерки деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917-1920). М., 1920. С. 8-9.

крестьянам восстанавливать формы жизни, которые прежняя власть в процессе столыпинской реформы пыталась уничтожить. Нельзя сказать, что крестьяне получили все, о чем мечтали, но они получили то, что было возможно в конкретной социально-экономической ситуации. Крестьянство поддерживало новую власть, так как оно получило удовлетворение в двух решающих пунктах: уравнительный раздел земли и заключение долгожданного мира с Германией. *Декреты о мире и земле имели решающее значение для получения новой государственностью массовой воспроизводственной энергии.*

НОВОЕ ГОСУДАРСТВО В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Основное заблуждение массового сознания исходит из того, что государство — всемогущая сила, которая лепит общество в соответствии с прихотями аморальных и алчных правителей. Оно может все, если, разумеется, захочет, если присущее ему зло не сделает власть бессильной. Этой древней сказке трудно найти подтверждение хотя бы на каком-нибудь ограниченном этапе российской истории. Для государства, возникшего после падения Временного правительства, характерно бессилие, как, впрочем, и для его предшественника. Аппарат Временного правительства продолжал действовать до конца января 1918 года. Государственный банк не подчинялся большевикам и продолжал финансировать железные дороги, перевозки хлеба, топлива⁷. Новый государственный аппарат по сути не существовал, так как овладевший обществом локализм отрицал его.

Государству нужна была массовая поддержка. Крестьянство поддерживало новую власть как силу, способную обеспечить получение определенного наследия от старого строя (прежде всего земли) и избавление от чиновников, а также как средство удержать эти достижения. Не трудно видеть противоречие между этими задачами. Если в первом случае государство могло исчезнуть, выполнив свою задачу, то во втором, наоборот, предполагалось оправдание государственности на неопределенный срок. Тем не менее *антигосударственное массовое сознание достигло на этом этапе высшего накала*. Поэтому судьба государства висела на волоске. Оно должно было решить невыполнимую задачу, т. е. максимально вписаться в волну локализма, отрицающего государство. Было необходимо сместить ответственность вниз и одновременно обеспечить ин-

---

⁷ Прокопович. С. Н. Что дал России нэп// Нэп: взгляд со стороны. М., 1991. С. 11-12.

теграцию большого общества, приостановить распад жизненно важных связей, войну всех против всех.

Здесь-то и выявилась гибкость псевдосинкретизма, способность идеологической интерпретации поворота в массовом сознании, формирования его организационных форм. Новая власть учла опыт столыпинской реформы, была сделана попытка опереться на большинство, а не на меньшинство народной почвы. Ленин как идеолог после прихода к власти выступал в двух качествах. С одной стороны, как теоретик новой формы псевдосинкретизма: народной. Но, с другой стороны, он обосновал именно первую версию псевдосинкретизма, соответствующую первому этапу новой инверсионной волны. В иерархии псевдосинкретизма в качестве ведущей, господствующей в обществе была выдвинута ипостась соборного идеала. В этой первой версии псевдосинкретизма, соответствующей первому этапу нового государства, доминировали уравнилельные ценности традиционализма. Первая версия псевдосинкретизма должна была соединить эти ценности с государственностью. Идеология подсказывала соответствующую интерпретацию массового сознания. Община отождествлялась с большим обществом, с государством, которое, однако, рассматривалось как временное, как «полугосударство»⁸.

Элита партии, ставшая теперь правящей элитой, должна была платить по векселям, действовать в соответствии с утилитарной, т. е. конъюнктурно изменяющейся и одновременно неизменной Правдой, которая позволила использовать энергию масс для захвата власти. Тонкий слой правящей элиты не имел выбора. Впрочем, происходящее соответствовало концепции Ленина, рассматривавшего партию как рупор проснувшейся народной Правды. Он писал: «Мы не навязываем никаких нами выдуманных новшеств народу, мы только берем на себя почин осуществления на деле того, без чего нельзя жить в России, по общему и единодушному признанию. Мы не замыкаемся от революционного народа, отдавая на суд его каждый наш шаг, каждое наше решение. Мы опираемся всецело и исключительно на свободный почин, исходящий от самих трудящихся масс»⁹. В этой ситуации новая правящая элита вольно или невольно пошла на компромисс на основе нового соотношения сил. Этот компромисс включал признание за народом права на повсеместное самоуправление. Псевдосинкретизм показал исключительную гибкость. Демон Максвелла широко распахнул дверь государственности для потока народной энергии.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 18.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.

ОБЩЕСТВО-ОБЩИНА-ЗАВОД

Ведущий характер вечевого идеала, его соборной формы не означал, что партия и рабочий класс, который рассматривался как носитель ограниченной модернизации, потеряли свое место в идеологическом схематизме. Сохранилось внутреннее нравственное, идеологическое и организационное напряжение псевдосинкретизма, т. е. скрытое и явное стремление носителей псевдосинкретизма, правящей элиты рассматривать эту ситуацию как временную. В первой версии псевдосинкретизма уравнительность рассматривалась как гарант того, что крестьянство правильно поймет свой общий интерес и под руководством партии и рабочего класса воплотит новый идеал, который на первых порах представлял собой фантастическую смесь западного либерализма, зовущего к модернизации, и пластов архаики с ее статичными идеалами, винегрет из авторитаризма и соборности, возбуждаемых верой в чудо технической цивилизации.

Для первого этапа была характерна вера в соборное согласие всех сил для достижения общей цели. Ленин говорил в начале 1918 года о социализме через несколько месяцев, через полгода. Делалась попытка быстро построить коммунистическое производство и распределение на основе уравнительности. «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам,— и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»,— рассказывал Ленин впоследствии об этом периоде¹⁰. В новой ситуации крестьянство само собой, оставляя свои предрассудки и непоследовательность, должно через партию слиться с Правдой, воплощенной в высшем руководстве партии.

Общество-община, которую должна была явить собой Россия, представляется Ленину гигантским заводом, более того, он мечтает о превращении «всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом»¹¹.

Разумеется, отождествление локального сообщества и общества с машиной стало возможным не в результате произвольной игры ума. Суть в том, что развитие утилитаризма в массовом сознании открыло путь поиску на этой основе новых средств, а значит, неуклонно усиливало культ машины, стремление «примерить» сложившийся идеал и по мерке машины.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157.

¹¹ Там же. Т. 36.

Любопытно, что Ленин не видел противоречия между предполагаемым самоуправлением производственных и потребительских коллективов и жестким, механическим, однозначным характером отношений в них. Это можно объяснить ориентацией на подчинение людей закону машины, уверенностью, что творчество масс неизменно порождает жесткую однозначную организацию машинного типа. По своим последствиям государство и община представлялись тождественными. Например, переход инвентаря в исключительное пользование государства или общины¹² одинаково создает необходимость социалистического регулирования хозяйства. Впрочем, удивляться нечему, так как соборный идеал амбивалентен авторитарному. Он несет в себе жесткое закрепощение человека за его местом в общине, что открывало возможность рассмотрения человека как элемента машины. Древний идеал получил машинообразные черты. Модернизация приобретала новые, более сложные формы. Впрочем, зачатки стремления рассматривать общество как машину можно найти еще у Петра I (см. часть первую, гл. IV).

Ленин встал на почву соборного идеала не только в силу своей принадлежности к русской культуре (например, влияние Чернышевского на него несомненно сильнее, чем Маркса), но прежде всего в силу того, что сама логика псевдосинкретизма с принудительной силой толкала его следовать мощным массовым идеалам. Утилитарная природа псевдосинкретизма стимулировала способность выхватывать из окружающей среды любые ценности и опираться на них, если это способствует достижению заданной цели, решению медиационной задачи. Обстоятельства заставляли следовать соборному идеалу. При этом очевидно, что массовый соборный идеал и его интерпретация правящей элитой не были абсолютно тождественными. Различия заключались в том, что в первом случае он выступал как самоценность, тогда как во втором постепенно становился средством. Насколько это обстоятельство осознанно, является особым вопросом. Секретом это не было, так как Ленин отчетливо понимал различие между своей доктриной и массовыми ценностями крестьянства.

Славянофильство кажется умеренным по сравнению с ленинским апофеозом соборного начала. Славянофилам совершенно недоступна была идея повседневного творчества масс на всех этажах государственности. Ленин же видел в этом процесс растворения государственности в народовластии.

---

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34.

В стране бушевала вечевая стихия, что соответствовало идеалам Ленина, видевшего в этом проявление творчества освобожденного от гнета и эксплуатации народа. Сепаратистские тенденции получили свое дальнейшее развитие. Партийная доктрина с ее ориентацией на массовое творчество открывала этому путь. Следуя логике вечаевого идеала в рамках псевдосинкретизма, Ленин стремился активизировать рабочих и крестьян, с тем чтобы усилить приток социальной энергии в медиатор. Это было возможно осуществить в определенных пределах, лишь следуя массовым ценностям, их стимулируя.

Правящая элита всеми средствами пыталась использовать потоки народной энергии, опираясь на ненависть к начальству, к богачам, ко всему, что мешает уравнительности. Летописцы не раз рассказывали о грабежах имущества умерших князей. Народные восстания сопровождались грабежами, так как это был естественный метод борьбы за уравнительность. Казацкий поход за «зипунами» мог превратиться в антиправительственное выступление. Революционная интеллигенция в этой связи подчас была склонна создавать романтический ореол вокруг разбойников. Известный революционер Нечаев, например, рассчитывал опереться на воровской элемент.

Ленин примкнул к этой традиции. Он публично поддержал лозунг «Грабь награбленное», призывал народ добратся до сундуков буржуазии¹³. Развивающаяся инверсия дошла до лозунга: «Воруй смело, хозяев нет» (Ек. Олицкая). Теперь наступил момент, когда ожившие древние обычаи, казалось, хотели взять реванш за упущенное время. Вечевая стихия, дошедшая до крайних разрушительных форм, определяла ориентацию высшей власти. Ленин пытался опереться на народную стихию, включая крайние формы ее проявления. «Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой организационной работы»¹⁴. Следовательно, *Ленин верил, что из разрушения вырастет организация идеального общества, если это разрушение — результат революционного народного творчества. По сути, это и есть основное заблуждение русской интеллигенции. Ленин выступил как продолжатель этой традиции.* Однако, положив эту идею в основу государственности, он как будто доказал, что это не заблуждение. В момент национальной катастрофы оказалось возможным соединить ценности народа и государственности на новой основе,

¹³ Правда. 1918. № 18. 6 февр. (24 янв.).

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 198.

на основе локального творчества, которое партия использовала уже вне локальных рамок, в масштабе общества.

Первая версия псевдосинкретизма вся пронизана архаичными ценностями. Например, торговля подлежала уничтожению или должна была свестись к минимуму. Предполагалась замена «торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе, распределением продуктов»¹⁵. Ленин говорил о прямой связи свободной торговли хлебом со всевластием помещиков и капиталистов¹⁶. Централизованное распределение натуральных продуктов есть передача обществу функций главы патриархальной семьи, хозяйственной единицы. Как и глава семьи, общество должно по справедливости распределять между членами *блага*, которые находятся в его распоряжении. Подобная модель не нуждается в существовании денег. Денежные знаки, по определению Ленина, — «свидетельства на право получения эксплуататорами общественного богатства, в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся»¹⁷. Ленин ставит знак равенства между ненавистным капитализмом и товарно-денежными отношениями.

Право, законность также ценятся не слишком высоко. Судьи должны руководствоваться «социалистическим правосознанием»¹⁸, т. е. классовым чутьем, чувством Правды. «Формальный демократизм» должен быть подчинен «революционной целесообразности»¹⁹, т. е. утилитаризму, нацеленному на конъюнктуру. Революционное правосознание само есть форма народного творчества и его результат, тогда как буржуазный закон есть препона стихии творчества. Ленин последовательно стал на позиции экстраполяции на большое общество ценностей локального мира.

Идеи соединения древних общинных форм с современностью выдвигал еще Чернышевский. Он, в отличие от славянофилов, видел в общине результат неблагоприятных условий исторического развития, застоя, неразвитости. И тем не менее общинные отношения предполагались им как основа будущего переустройства общества на социалистических началах. По мнению Чернышевского, община могла послужить прямой дорогой к организации земледельческих товариществ для обработки земли, общинные отношения с их отсталостью — дорогой к техническому прогрессу сельского хозяйства. Он полагал, что общинные отношения позволяют разумным образом

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 99.

¹⁶ См.: там же. С. 355, 364, 374 и др.

¹⁷ Там же. С. 100, а также с. 122.

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ Там же. Т. 42. С. 237, 268 и др.

увязать выгоды землевладельца с прогрессом земледелия, с улучшением качества обработки земли. Ленин развивал эти же по сути идеи, пытаясь вывести их за пределы системы общин в государственность большого общества.

Все население предполагалось организовать в производственно-потребительские коммуну, способные с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией, с наименьшими затратами труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат. Таким образом, планировалась натурализация всех экономических отношений, превращение страны в сеть соборных коллективов, способных, ввиду наличия стихийного правосознания, разрешать все проблемы современной государственности.

Бесчисленные коллективы, по мысли Ленина, сольются в гигантский коллектив, гигантскую общину-завод. Он пишет о кооперативах, которые должны охватить все население. Необходим переход «от частных раздробленных коллективов к единому кооперативу»²⁰. Он говорил, что для новой кооперации характерно «пролетарски-коммунистическое снабжение и распределение»²¹.

Хотя на разных этапах Ленин расценивал кооперацию по-разному, тем не менее он рассматривал ее как систему, связывающую локальные сообщества в гигантское сообщество.

КРУШЕНИЕ СОБОРНОГО ИДЕАЛА

Очень скоро оказалось, что господствующий в массовом сознании соборный идеал, а также соответствующая интерпретация его правящей элитой оказались нефункциональной утопией. Нарастающий локализм в разных сферах жизни постепенно переходил некоторый критический уровень, что порождало нарастающую дезорганизацию.

В сложившейся ситуации было крайне трудно решить медиационную задачу, следовать социокультурному закону, соединить культурные идеалы уравнительности, соборности, локальности с большим обществом. Вся система коммуникаций в новом обществе между правящей элитой и массами постоянно находилась на грани разрыва. Повсеместное стремление к локальным ценностям ослабляло связь с целым. Раскол принял угрожающие формы. *Нарастал развал власти.*

Неспособность советов к эффективному управлению определялась несоответствием их природы сложности реальных

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 162.

²¹ Там же. Т. 37. С. 472.

задач XX века. Советы выросли на местной основе как орган, призванный к решению ограниченного круга локальных вопросов. Они были неспособны осознать причины всеобщей дезорганизации и бороться с ней. *Положение советов определялось двойственным отношением масс к власти, которые склонны были использовать их не столько в качестве власти, сколько в качестве силы в борьбе против нее.* Основной формой деятельности советов как социального института стало *митингование, т. е. постоянная борьба монологов,* версий абстрактной справедливости и требований к внешним силам согласиться со всеми претензиями. Советы, не знающие сомнения в естественности своих требований, не ведающие самокритики, с самого начала шли путем саморазрушения.

Вот впечатления Г. Уэллса от работы Петроградского Совета, фактически центрального в стране: «Работа этой организации, как и всех других в Советской России, показалась нам исключительно непродуманной и бесплановой. Трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность, как Петроградский Совет. <...> По существу это был многолюдный митинг, который мог, самое большое, одобрить или не одобрить предложения правительства, но сам не способен был ни на какую настоящую законодательную деятельность. По своей неорганизованности, отсутствию четкости и действенности Петроградский Совет так же отличается от английского парламента, как груда разрозненных часовых колесиков от старомодных, неточных, но все еще показывающих время часов»²². По словам члена президиума ВСНХ В. Чубаря, советы после февраля 1917 года «превратились в пустые говорильни и не оказывали никакого влияния на органы, руководящие хозяйством страны»²³.

В советах не получал развития реальный диалог. Например, по свидетельству современников, в деятельности Иваново-вознесенского Совета (1905 год) решения, как правило, по всем вопросам принимались единогласно, без особых споров. Рабочие в массе не нацеливали совет на политические требования, не обнаруживали враждебности к самодержавию.

Кажется, еще никому не приходило в голову поставить вопрос о странной форме власти, которая не приживалась в других странах, а в России *с поразительной быстротой теряла свой якобы демократический характер и выявляла полную нефункциональность в большом обществе,* в условиях госу-

²² Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 62, 65.

²³ Чубарь В. Роль Ц. С. фабрично-заводских комитетов в организации ВСНХ// Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 7.

дарственной жизни. Секрет советов в их архаичности, в органической связи с догосударственной системой ценностей, что делает их беспомощными в сложном мире. Эта слабость лежала в основе всяких попыток создать новые массовые организации. Работа в них строилась по аналогии с работой сельского схода. Это отсутствие организационных навыков было истинным бедствием. Л. Каменев еще до переворота опубликовал в «Правде» статью с характерным заглавием «Организация, организация, организация», где доказывал, что без нормально функционирующих рабочих организаций «наша сила только кажущаяся сила, которая завтра может рассыпаться»²⁴.

Г. Зиновьев отмечал факт отсутствия в рабочей среде организационных навыков и устремлений: «Это невероятно, но это факт... Рабочие не имели своего всероссийского съезда и не создали своего особого *рабочего* Совета, рабочего исполнительного комитета даже в столице. Особенно характерно положение вещей в Петербурге... Рабочая секция прозябает, собирается крайне редко, не имеет регулярно действующего выборного президиума, не имеет своей газеты. Создание прочной всероссийской организации рабочего класса является вопросом жизни и смерти и для рабочих, и для всего дела революции...»²⁵.

Соборные институты в условиях государственности очутились в весьма двусмысленной ситуации. Массы, создавая советы, могли в любой момент от них отвернуться, совершить инверсионный переход от признания их своими до прямой враждебности к ним. Ненависть к начальству при неудачах могла переноситься на совет. Так, после прекращения безрезультатной 47-дневной стачки рабочие в Иваново-Вознесенске пришли к выводу, что «депутаты подкуплены». А. Коллонтай писала в «Правде» о пятнадцатитысячной женской демонстрации в апреле 1917 года: «Шли с новой надеждой, что стоит изложить свою нужду, свои требования, рассказать о голоде, о том, как их дети, дети солдат, умирающих „за родину“, сидят без хлеба, и Совет немедленно откликнется, Совет постановит увеличить паек, Совет услышит голос голодающих матерей. А как же не откликнется? Совет — это же наш народный. Там все свои — рабочие и солдаты». Ну а если совет не сможет удовлетворить требований? Тогда совет — это враг, а его руководители — «переодетые помещики». Так, 3-5 июля 1917 года массы вышли на улицу вопреки прямому решению Первого Всероссийского Съезда Советов. Все партии, включая большевиков, с поразительным упорством и единодушием до

²⁴ Правда. 1917. 23 марта (5 апр.).

²⁵ Там же. 5 сент.

последнего дня делали все возможное, чтобы предотвратить выступление. В статье Г. Зиновьева, опубликованной в большевистской газете «Рабочий и солдат», говорилось о сверхчеловеческих усилиях, безуспешно затраченных большевиками для предотвращения массового выступления 4 июля. Большевики даже употребили особый термин «усмирять»: «Наши агитаторы только и делали, что „усмиряли“, т. е. убеждали рабочих и солдат не выступать сейчас на улицу»²⁶. По свидетельству Г. Зиновьева, все до единого большевики, прибывшие из районов, заявляли: «Никакая сила в мире не удержит завтра выступления на улице». Оставалось направить все усилия на превращение выступления в мирную организованную демонстрацию. Некоторые определяли события 3—5 июля как «проклятие всей демократической России»²⁷.

Ленин, поначалу принявший митингование за форму демократии, вынужден был признать, что советы себя не оправдали: «Советская организация еще не научилась управлять, мы слишком много митингуем»²⁸.

От местных советов исходила грозная опасность новому государству. Местные советы срывали хлебную монополию, перехватывали поезда с хлебом, идущие в города, обрекая тем самым их на гибель. Эта деятельность местных советов развивалась уже после февральской революции. Используя попытки Временного правительства установить в стране хлебную монополию, советы повсеместно занимались обысками, реквизицией хлеба у частных лиц, увеличивая общую дезорганизацию общества. В новых условиях эта деятельность усилилась. Теперь, однако, советы стали официальным звеном существующей власти. Советы на селе также не были новым органом. Они оставались все теми же сельскими сходами, просто переименованными в сельские советы. Это обстоятельство нашло свое выражение в Положениях о низовых советах, разработанных в некоторых губерниях и уездах. Заседания советов подчас мало отличались от собрания граждан села. *Это был все тот же древний крестьянский мир, почувствовавший, однако, свою силу.* Следует также учитывать, что влияние партии в деревне оставалось крайне слабым. В начале 1918 года члены РСДРП (б) были лишь немногим более чем в двухстах селах и волостях (всего волостей тогда насчитывалось около 13 тысяч). Выяснилось, что большинство советов на селе не могут рассматриваться как реальный элемент медиатора, т. е. соборное начало не стыковалось в должной степени с новой властью.

²⁶ Рабочий и солдат. 1917. 9-10 авг.

²⁷ Там же. № 14. 13 авг.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35.

Локальные миры стремились жить своей локальной жизнью. Например, в докладе Корсунского уездного Совета указывалось, что местные советы «почти все кулацкие и все их (вышестоящих) распоряжения и приказы в полном смысле дискредитируются этими Советами». С мест участились сообщения, что в советах сидят люди «правых убеждений». Я. Свердлов заявил 20 мая 1918 года на заседании ВЦИК, что «в волостных Советах руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу»²⁹.

Советский исследователь П. Соболев сделал существенный вывод: «Образовалось несоответствие между классовым составом центральных губернских и ряда уездных Советов, большинство которых принадлежало пролетарским и полупролетарским элементам, и сельских и волостных Советов, в которых беднота была в меньшинстве». Идеологический жаргон не может скрыть того, что речь идет об уже знакомом расколе организации, о враждебности низших, близких к почве органов власти всей государственной системе, сложившейся на основе медиационной организации партии. Этот же автор считает, что примерно 15-20% волостных советов европейской России в середине 1918 года выражали интересы бедноты. Большинство же советов, как пишет Соболев, «по своему классовому составу были общекрестьянскими и очень напоминали советы дооктябрьского периода», т. е. до захвата власти большевиками. Эта *враждебность деревни по отношению к новой государственности*, буквально только что удовлетворившей исконную мечту крестьян о помещичьей земле, получила свое яркое выражение в крестьянских восстаниях. Природа этих восстаний очевидна. Активизация локальных идеалов была направлена против тенденции власти разрушить их локальность.

Новые формы управления оказались несостоятельными также и для установления связи с рабочими. Здесь особенно болезненным было то обстоятельство, что рабочие поддерживали новую власть из чисто утилитарных соображений, надеясь на то, что избиение буржуазии приведет к немедленному резкому повышению жизненного уровня. Вскоре, однако, наступило разочарование, сопровождавшееся усилением дезорганизации производства. Интересный материал о крутой перемене настроения петроградских рабочих дает документ «Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда»³⁰. Из этих материалов видно, что в массах рабочих возникла резкая инверсионного типа перемена настроений. Пред-

²⁹ Свердлов Я. М. Избр. произведения. М., 1959. Т. 2. С. 178.

³⁰ Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда 13 мая 1918 г. // Континент. 1975. № 2.

ставитель завода Нобеля говорил: «В прошлом году кричали „долой Николая“, теперь рабочие кричали „долой большевиков“». Представитель патронного завода говорил: «В районах, где было сильно влияние большевизма, рабочие бросаются слева на правый фланг». Многое для понимания сдвигов в массовом сознании дает А. Платонов. Он с враждебностью относится к тем, кто бюрократическими методами, не понимая законов природы и вещей, пытается навязать какие-то иные, чуждые данному явлению законы, невзирая на то, как называют себя насильники: большевиками, белогвардейцами, фашистами или царскими чиновниками. Просыпается защитная сила здравого смысла, которому предъявляются абсурдные требования.

Выявилось, что двойственное отношение к власти не исчезло, что власть снова в глазах народа попала в сферу зла, что личная ответственность за власть большого общества у рядового человека не возникла. Власть, которая могла найти поддержку в массах, играя роль тотема, рисковала превратиться в глазах значительной части народа в антитотем. Манихейские представления вновь обращались против государственности, бюрократии, которая, как показал Платонов, выступала в глазах людей как разрушитель жизни. Новое общество не избавилось от старых проблем.

Рост негативного отношения к новой власти, однако, в силу своей неконструктивности, пассивности, неорганизованности, отсутствия медиационной альтернативы не мог сокрушить се. Например, крестьянские восстания были древней формой сопротивления местных миров нажиму власти. Эти восстания, как и раньше, были обречены на поражение. Они часто носили кратковременный характер и кончались приходом восставших с повинной. Повторялась уже знакомая картина разрозненных крестьянских выступлений в царское время.

Выступающими на упомянутом собрании отмечались упаднические настроения среди рабочих Петрограда. Представитель невских судостроителей говорил о настроении «безысходности и апатии». Представитель завода Речкина сообщал: «На заводе перелом в настроении рабочих. Но выборов на совещании не удалось произвести до сегодняшнего дня из-за апатии рабочих». Эмоциональный подъем спал.

Выяснилось, что новые формы управления оказались совершенно не в состоянии обеспечить производство, остановить дезорганизацию. «Рабочий контроль очень скоро обнаружил свою истинную природу. Эти слова звучали всегда как начало гибели предприятия. Немедленно уничтожалась всякая дисциплина. Власть на фабрике и заводе переходила к быстро сменяющимся комитетам, фактически ни перед кем ни за что

не ответственным. Знающие, честные рабочие изгонялись и даже убивались. Производительность труда понижалась обратно пропорционально повышению заработной платы. Отношение часто выражалось в головокружительных цифрах: плата увеличивалась, а производительность падала на 500-800%. Предприятия продолжали существовать только вследствие того, что или государство, владевшее печатным станком, брало к себе на содержание рабочих, или же рабочие продавали и проедали основные капиталы предприятия... При „социалистических" порядках наступило чрезвычайное понижение производительности труда. Наши производительные силы при „социализме" регрессировали к временам петровских крепостных фабрик. Демократическое самоуправление окончательно развалило наши железные дороги. При доходе в 1,5 миллиарда рублей железные дороги должны были платить около 8 миллиардов на одно только содержание рабочих и служащих». Захват банков лишил «промышленные предприятия всяких средств. Чтобы сотни тысяч рабочих не остались без заработка, большевикам пришлось открыть для них кассу Государственного банка, усиленно пополняемую безудержным печатанием бумажных денег»³¹. О положении на производстве пишет в декабре 1917 г. также М. Горький: «Есть заводы, на которых рабочие начинают растаскивать и продавать медные части машин, есть очень много фактов, которые свидетельствуют о самой дикой анархии среди рабочей массы... „Новый" рабочий — человек, чуждый промышленности и не понимающий ее культурного значения в нашей мужицкой стране»³².

Из выступлений на уже упоминавшемся совещании рабочих Петрограда очевидна безысходная картина дезорганизации. Представитель Путиловского завода сообщил, что работа на его предприятии почти кончилась еще в декабре. Представитель Охтенских пороховых заводов сообщает, что, «когда, так сказать, взяли в свои руки предприятия, интенсивность сильно понизилась. Пришлось почти закрыть заводы. Хотя жалованье платят, а работы никакой нет».

Выявилось крайне важное обстоятельство: «Все государственное и частное хозяйство сведось к простому расходованию ранее накопленных капиталов»³³. Иначе говоря, *новая система сверху донизу была занята не производством, а распределением и перераспределением ранее накопленного. Причина*

³¹ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм// Из глубины. М., 1989. С. 171.

³² Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918). М., 1990. С. 90.

³³ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм. С. 171.

этого лежала не в разрухе. Наоборот — разруха была следствием преобладания в большом обществе ценностей локализма, набравшего силу в условиях машинного производства. Она была следствием древней оценки производства как чего-то естественного, постоянного, неизменного, не требующего усилий свыше некоторого обычного исторически сложившегося уровня. Вечевой идеал выдвигал в центр внимания разные формы уравнительного распределения. Это в условиях разрухи стимулировало рост умеренного утилитаризма, его рваческих форм, стремления к приобретению благ любой ценой.

Преобладание ценностей идеала распределения в ущерб производству вытекало из манихейского противопоставления Правды и кривды. По этой схеме отсутствие благ было не результатом моей плохой работы, неумения организовать труд, а результатом эксплуатации злых сил, их способности отнимать то, что по справедливости принадлежит мне. Естественно, что переворот, ликвидировавший кривду, направил всю энергию на избиение эксплуататоров, на захват того, что ранее принадлежало другим. Это древнее манихейство имело и другую сторону. Поскольку победа Правды есть результат приобщения к новому идеалу, к партии, к новой правящей элите, то именно они должны были решать все проблемы. Победа новой власти означала, что она должна была кормить народ как новая сила, которой народ заменил старую власть, не оправдавшую надежд. Но организация новой власти была не приспособлена к тому, чтобы наладить производство, так как эта власть возникла в результате ненависти к буржуазии, т. е. именно к тем слоям, которые олицетворяли организацию производства, его развитие. Выявились острейшее социокультурное противоречие между культурой, несущей в себе потребность в росте потребительских благ, и социальными отношениями, которые исключали необходимые элементы удовлетворения этой потребности.

Важнейшим следствием, проявлением торжества соборного идеала, локализма была *натурализация хозяйственных отношений*. Это вполне соответствовало локалистской, доэкономической природе исторически сложившихся форм хозяйства, где товарно-денежные отношения постоянно насильственно внедрялись государством посредством усиления денежного налогообложения. Последнее вынуждало крестьянство обращаться к рынку в масштабах, превышающих их непосредственные потребности, приемлемый для них уровень товарно-денежных отношений.

РАЗРУХА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Новое общество, возникшее на волне крайнего локализма, вновь столкнулось с проблемой натурализации хозяйства, процесс которой начался «снизу, со стороны деревни». Он проявился, в частности, «в форме превращения с 1917 г. денежных сбережений городского населения в натуральные запасы»³⁴. Натурализация привела к естественному, но по сути зловещему для нового государства явлению — к дальнейшему распаду сложившихся потоков ресурсов, производимых крестьянами. Симптомы этого явления можно было видеть, например, еще до начала первой мировой войны, когда определенный рост доходов населения привел к более полному удовлетворению внутреннего спроса, прежде всего на хлеб, что привело в первой половине 1914 года к превышению ввоза хлеба над вывозом³⁵. Это говорило прежде всего о существовании, по крайней мере до 1914 года, значительной неплатежеспособной потребности в хлебе, а также о слабой способности тяготеющего к дотоварным отношениям сельского хозяйства отвечать ростом производства на рост потребностей. После начала первой мировой войны посевные площади в крестьянских хозяйствах сократились.

Происходило уменьшение товарности производства в деревне, что резко перерастало в угрозу голода в городах. Легальная торговля хлебом была дезорганизована. В результате происходил дальнейший распад, раскол между городом и деревней. Хлебофуражный баланс **1918/1919** года показывает, что питание горожан уменьшилось более чем на 34%, а в некоторых губерниях — на 44%, тогда как у крестьян уменьшилось менее чем на 1%. В одних губерниях потребление хлебопродуктов сократилось на 21%, в других — увеличилось на 2%. Потребление мяса горожанами уменьшилось на 58 %, а крестьян — на 15 %³⁶. Это несло угрозу голода части населения даже при сравнительно удовлетворительном урожае. Общество распадалось по разным параметрам. Механизмы интеграции оказались совершенно неспособными воспроизводить в этой ситуации целостность общества. Дезинтеграция охватывала про-

---

³⁴ Кузовков Д. В. Основные моменты распада и восстановления денежной системы 1925 г. // Финансовое оздоровление экономики: Опыт нэпа. М., 1990. С. 14, 26.

³⁵ Литвинов-Фалинский В. Война и промышленность: Экономический очерк. Пг., 1915. С. 7.

³⁶ Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 143.

мышленность, где усиливалась разруха, разрушение хозяйственных связей.

Торжество локальных идеалов, соборных форм управления везде приводило к катастрофическим результатам, к росту дезорганизации и недовольства, переходившего в открытое возмущение. Вечевая стихия разрушительно действовала на организацию власти, включая и центральные учреждения. Органы безопасности действовали бесконтрольно. Всякая попытка использования их в целях наведения порядка представляла опасность. О борьбе внутри советской системы свидетельствует резолюция второй Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем от ноября 1918 года: «Контрреволюционеры удачно используют момент, порождая контрреволюцию на почве трений между разными советскими учреждениями и отдельными советскими работниками». ЧК далеко не обладала всевластием, как это сейчас представляется. Она вынуждена была прибегать к оправданиям своей деятельности, ссылаясь на происки контрреволюции, врагов, которые «стараятся проникнуть в советские учреждения. Саботирующая интеллигенция засела в канцеляриях...». Возникают конфликты в связи с арестом советских работников. В «Известиях» от 28 января 1919 года говорилось: «Работа в ЧК становится непомерно трудной и неблагодарной».

А. Солженицын дал несколько ярких примеров этого хаоса. Он писал: «Любой рабочий может не только не выполнить распоряжения инженера, но безнаказанно его оскорбить и даже ударить, и как представитель правящего класса рабочий при этом ВСЕГДА ПРАВ»³⁷. Он описывал случай, когда в суде обвинитель выступал заодно с защитой, а конвоиры лезли не в свое дело «слать резолюции»³⁸. Каждый отождествлял себя с властью и брал на себя ее функции. *Каждое звено власти, чуть ли не каждый функционер (что наиболее выявилось в деятельности института комиссаров) действовали на основе монолога, разрушая социальные отношения.*

Одновременно выявились угрожающие симптомы раскола почвы. Начало новой государственности прошло под лозунгами уравнительности, ликвидации богачей города и деревни. Среди крестьян также произошли существенные изменения. По официальным данным, количество тех, кому приклеивали ярлык «кулак», уменьшилось к середине 1918 года до 5% от всего количества крестьян. Это, однако, не ликвидировало раскол почвы. Инверсия, одержавшая решающую победу в сфере

³⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1.

³⁸ Там же.

уравнительности, вторглась в деревенский мир. Раздел земли во многих местах охватывал не только помещичью, но и купчую землю самих крестьян. Имели место случаи, когда конфисковывались и распределялись также земля и инвентарь относительно более богатых крестьян. Вновь происходили столкновения между общинниками и хуторянами. Например, на заседании Пензенской губернской земельной коллегии 1 апреля 1918 года отмечалось существование угрозы кровавых столкновений между ними.

Стало очевидным также важное обстоятельство, касающееся примерно трех миллионов ранее безземельных крестьян, которые получили землю. Именно эта часть крестьян, которая, казалось бы, существенно выиграла, оказалась в числе наиболее недовольных. Причину недовольства можно понять лишь в свете представлений синкретизма. Уравнительное перераспределение земли в масштабе страны мыслилось как приобщение к Правде. Под этим не стоял какой бы то ни было рациональный расчет. На долю помещиков в 1916 году приходилось всего 11,3% всех посевов, лошадей — 6,2%, скота — 5,7%³⁹. По сути дела, попытка решить крестьянские проблемы за счет помещиков была чистой массовой утопией. Очевидно, что после конфискации помещичьих земель жизнь по Правде не наступила. Существенным фактором было то, что у получивших землю не хватало инвентаря. Естественным для синкретического сознания было искать виновного. Очевидно, виновниками казались относительно более богатые крестьяне, у которых всего было больше и все было лучше. Синкретическая инверсионная волна, пустившая в передел помещичьи земли и ликвидировавшая буржуазию и интеллигенцию, продолжала катиться дальше, угрожая соседу, чье состояние было выше среднего. В этом заключалась серьезная угроза обществу.

Истоки уравнительности лежат в древнем синкретизме. Однако в псевдосинкретизме она приобретает свои особенности. Правящая элита пыталась использовать стремление масс к уравнительности как источник энергии для формирования укрепляющей медиатор конструктивной напряженности. Поэтому власть была склонна поощрять уравнительные тенденции, несмотря на их разрушительный для производства характер. Кроме того, стремление к уравнительности выступало как попытка ликвидировать те социальные слои, которые несовместимы с социальной однородностью общества, например, эли-

³⁹ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве капиталистической России// Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 182, 187.

тарную интеллигенцию, относительно более богатые слои и т. д. Граждане «низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости»⁴⁰. Это была иллюзорная попытка всех уравнивать, чтобы ликвидировать раскол.

Опасность идущего все дальше и дальше вала уравнительности, который, казалось, ничем нельзя остановить, заключалась в том, что *большое общество немислимо на основе уравнительности*. Она разрушает не только очаги разнообразия, т. е. всякую возможность прогресса и развития, все лучшее, но и необходимое разделение труда между управляющими и управляемыми, между умственным трудом и физическим, между городом и деревней и т. д., в результате чего неизбежен всеобщий распад и крах. Проблема заключалась и в том, что превращение общества в набор замкнутых локальных миров ликвидировало общую основу, единство, люди, не связанные даже торговлей, обратились во врагов, в опасных конкурентов, борющихся за ресурсы, а мир предстал как перерыв между конфликтами. Вспомним вечевую Русь, где междоусобица принимала чудовищные формы, вплоть до того, что попавшихся по дороге детей из другого княжества сажали на кол.

Не следует также забывать, что новое общество возникло на дне нравственной бездны, в условиях всеобщей враждебности. Нравственная ситуация на первом этапе нового общества была ужасающей. М. Горький писал в своей газете «Новая жизнь»: «Наша революция дала полный простор всем дурным и зверским инстинктам, накопившимся под свинцовой крышей монархии, и, в то же время, она отбросила в сторону от себя все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны»⁴¹. «В общем, в массе — незаметно, чтоб революция оживляла в человеке это социальное чувство. Человек оценивается так же дешево, как и раньше... „Новое начальство" столь же грубо, как и старое, только еще менее внешне благовоспитанно. Орут и топают ногами... И взятки хапают... и людей стадами загоняют в тюрьмы» (1917, 19 декабря). «Уличные „самосуды" стали ежедневным „бытовым явлением"...» (1917, 21 декабря). Книгопечатание почти прекращено, ценнейшие библиотеки уничтожаются одна за другой. «Предметы науки, искусства, орудия культуры не имеют цены в глазах деревни, — можно сомневаться, имеют ли они цену в глазах городской массы» (1917, 7 декабря). Происходит избиение интеллигенции. М. Горький обращается к морякам со следующими словами: «Ваши товарищи уже пробовали устраивать

⁴⁰ Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М., 1976.

⁴¹ Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). С. 122.

массовые убийства буржуазной „интеллигенции“, — перебив несколько сот грамотных людей в Севастополе, Евпатории, они объявили: „Что сделано, — то сделано, а суда над нами не может быть“» (1918, 26 марта). Горький писал о том, что интеллигенция насильственно отторгнута от жизни, ее представители объявлены врагами народа. Он отмечает факт возникновения работорговли: «В Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдков и продают их по 25 руб. за штуку» (1918, 16 марта)⁴². Вместо царства высшей Правды — работорговля, насилие и деградация.

ОПЯТЬ ДВОЕВЛАСТИЕ

Функционирование, хотя и кратковременное, нового идеала раскрыло важную особенность организационного аспекта псевдосинкретизма. Раскол неизбежно привел к тому, что необходимо было постоянно решать две взаимоисключающие задачи. Прежде всего обеспечивать рост и развитие общества, решать задачи модернизации. Но одновременно было необходимо считаться с преобладанием традиционализма, нацеленного на воспроизводство общества в неизменном состоянии. Общество должно было повседневно сохранять, воспроизводить некоторый исторически сложившийся порядок, т. е. попытку сдерживать дезорганизующую лавину массовой инверсии. Одновременно общество в условиях раскола, в условиях периодических инверсий разных масштабов должно идти на значительные, ранее не предусмотренные изменения. Отсюда не только хромающие решения, но и открытие практикой нового общества беспрецедентной организационной формы медиатора, которая включала в себя два различных института — *партию нового типа* и *государство*. Возникла *своеобразная организационная форма двоевластия*, без которой псевдосинкретизм немислим.

Государство в этой ситуации должно было пытаться сохранить определенную стабильность порядка, тогда как партия — в любой момент вносить в общество изменения любого масштаба, касающиеся социальных отношений, культуры и идеологии, законности, распределения ресурсов и т. д. Власть на основе псевдосинкретизма постоянно действует, опираясь на некоторый принцип, который можно было бы назвать *принципом шаха, способного постоянно перерастать в мат*. Это означало, что любое явление в обществе находится, по край-

⁴² Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). С. 99, 101, 92-93, 129, 137, 121.

ней мере в тенденции, под абсолютным контролем высшей власти, первого лица и может быть в любой момент изменено, уничтожено, изолировано. Этот принцип обусловлен характером синкретической государственности, которая, по крайней мере в тенденции, воплощает абсолютную власть над людьми и ресурсами в обществе. Он постоянно создает потребность в экстремальных мерах, предотвращающих распространение опасных очагов дезорганизации, необходимость постоянно перебрасывать ресурсы всех видов на обескровленные, угрожаемые участки.

Организация псевдосинкретизма сложилась стихийно, в результате постоянных попыток власти нейтрализовать опасные последствия раскола. Возникла система, элементы которой постоянно сами себя отрицали. Партия постоянно подрывала способность государства стабилизировать порядок, тогда как государство как более стабильная система постоянно объективно независимо или почти независимо от собственных ценностей чиновников ограничивало возможность партии разрушать, изменять стабильный порядок. Следует, однако, отметить, что между ними не было симметрии, равновесия. В принципе партия обычно оказывалась сильнее, что объяснялось постоянным ощущением приближающейся катастрофы. В этой ситуации партия, как капитан на тонущем корабле, получала всю полноту власти для локализации опасного распространения волн дезорганизации, опасности очагов социальной энтропии. На разных этапах отношения между партией и государством могли меняться. Партия и государство постоянно проникались ценностями друг друга. Система двоевластия не была кем-то задумана, но являлась результатом стихийного приспособления общества к глубочайшему расколу.

Этот порядок мог в рамках псевдосинкретизма относительно быстро следовать за колебаниями господствующего в массовом сознании нравственного идеала, давать ему свою интерпретацию, более или менее приспособленную к решению медиационной задачи. Тем не менее господство соборности, локализма разрушало интеграцию целого, государственность. Господство соборной версии псевдосинкретизма позволило открыть важные стороны жизни страны, на которые оппозиционная интеллигенция раньше закрывала глаза. Уровень организационного творчества широких масс для решения медиационной задачи оказался недостаточен. В массах преобладало стремление к перераспределению уже готового продукта в ущерб развитию производства. Эта версия показала несостоятельность основного заблуждения русской интеллигенции, которое было одновременно важным элементом ленинизма.

Новый идеал, новая версия псевдосинкретизма оказались переходящими, как и предшествовавшие им идеалы первого глобального периода.

Новый идеал как в массовой форме, так и в форме версии официальной идеологии, доводя до абсурда раздробление политической и хозяйственной жизни, усиливал разруху, способствовал росту локальных конфликтов, давая новые стимулы начавшейся в 1918 году гражданской войне, что неизбежно порождало инверсию, несущую в себе идеал, противоположный соборному. Следовательно, альтернатива вновь предстала в инверсионной форме, тогда как силы, стоящие за медиацией, выходящие за рамки исторического опыта, были рассеяны.